
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.114.5

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

И. Л. ВЕРШОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится критический анализ классического определения правового сознания как формы отражения объективной действительности в виде совокупности идей, взглядов, оценок и чувств. Рассматриваются признаки правового сознания как феномена, имеющего сложную природу: социальную, психологическую, биологическую и юридическую. Анализируются основные признаки правового сознания. Правовое сознание представляет собой процессы восприятия, отражения, осмысления и интерпретации информации, которые протекают при адаптации человека к окружающей среде. Правовое сознание интенционально направлено на объект социального действия или правового взаимодействия (а также на опосредующую его норму права) и тесно связано с его носителем. Способность субъекта фокусировать свое внимание как на внешнем объекте окружающей правовой реальности, так и на самом себе определяет необходимость разграничить субъект в праве и правовую субъектность. Правовое сознание обладает свойством напряженности. Его динамика обусловлена темпоральностью, которая имеет специфические черты как для отдельного субъекта, так и для коллектива.

Ключевые слова: правовое сознание; восприятие; отражение; осмысление и интерпретация информации; субъектность; интенциональность; темпоральность.

Образец цитирования:

Вершок ИЛ. Определение правового сознания как юридического феномена: междисциплинарный подход. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022;3:3–12.

For citation:

Vershok IL. Definition of legal consciousness as a legal phenomenon: interdisciplinary approach. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2022;3:3–12. Russian.

Автор:

Ирина Леонидовна Вершок – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Irina L. Vershok, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
viarshok_irina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2758-7174>

DEFINITION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AS A LEGAL PHENOMENON: INTERDISCIPLINARY APPROACH

I. L. VERSHOK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article provides a critical analysis of the classical definition of legal consciousness as a form of objective reality reflection in the form of a set of ideas, views, assessments and feelings. The author signs of legal consciousness as a phenomenon of a complex nature which are social, psychological, biological and legal are considered. An analysis of the main features of legal consciousness is given. Legal consciousness is a process of perception, reflections, comprehension and interpretation of information, that proceed when a person adapts to the environment. Legal consciousness is intentionally directed to the object of social action or legal interaction, as well as to the rule of law that mediates it. Legal consciousness is closely connected with its bearer. The ability of the subject to direct the intentionality of its legal consciousness both to the external object of the surrounding legal reality and to itself predetermines the need to distinguish the subject in law and legal subjectivity. Legal consciousness has the property of tension. The dynamics of legal consciousness is determined by its temporality that has specific features both for an individual subject and for a collective.

Keywords: legal consciousness; perception; reflection; comprehension and interpretation of information; subjectivity; intentionality; temporality.

Введение

Отсутствие четкой дифференциации предметных областей философии и юриспруденции, повлекшее неточность и размытость границ их понятийно-категориального аппарата, а также несовершенство собственной методологической базы теоретико-правовой науки стало одной из существенных причин недостаточного изучения основных проявлений и свойств правового сознания как юридического феномена.

Раскрытие в юридической доктрине признаков правосознания сводится лишь к описанию отдельных его форм, отрывочных, часто не связанных между собой компонентов. Исследователи, пользуясь методом интроспекции или наблюдения, склонны констатировать отдельные социальные или психические факты, фрагментарно выявленные в правовой реальности и конвенционально признаваемые в качестве признаков правового сознания. Примерами могут служить понимание правосознания как субъективного отношения людей к праву, юридической практике, правомерному и противоправному поведению, признание обществом ценности права и даже готовность поддерживать реформы [1, с. 661–662]. Правосознание отождествляется со знаниями о праве, оценками действующего права, мыслями, идеями о желаемых изменениях в нем [2, с. 10], а также с совокупностью чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права [3, с. 181].

Правосознание часто идентифицируется с такими проявлениями социальных фактов, как одобрение определенного нормативного правового акта, демонстрация доверия к правосудию или органам охраны правопорядка по конкретному вопросу, готовность оперативно и неукоснительно выполнять нормативное предписание. К нему обычно относят выражение каких-либо взглядов, эмоций, чувств или переживаний о праве. Такое отнесение изначально содержит ошибочное стремление либо указать исчерпывающий перечень абсолютно всех форм объективизации правового сознания, либо объединить несколько качественно разнородных явлений, искусственно включаемых в структуру единого феномена правового сознания. В результате доктрина занимается описанием внешних форм выражения или внутреннего состояния правового сознания, но не объяснением закономерностей его трансформации.

В иных случаях имеют место умозрительные и абстрактные рассуждения по поводу сущности и признаков правосознания без конкретизации пространственно-временных границ или социально-правовых параметров его динамики и трансформации в качестве реального феномена. В результате становится практически невозможным сопоставление полученных выводов о правовом сознании с эмпирическими данными о правовой реальности, а применительно к историческому материалу такие изыскания вообще оказываются бессмысленными [4, с. 3].

Теоретические основы исследования

В данной статье осуществлено научно-предметное изучение правового сознания как феномена правовой реальности, терминологическая характеристика которого состоит именно в словосочетании «правовое сознание». Смысловой акцент здесь

сделан на термин «сознание», а уточняющим его показателем является прилагательное «правовое». Определение правового сознания на междисциплинарном уровне имеет целью охарактеризовать данное явление в качестве «единого, целостного

и нерасчлененного феномена психики», причем речь идет не о наличии некоего субстратного начала, порождающего и некий особый вид сознания, а об интенциональной характеристике (направленности) сознания на специфический предмет – право [5, с. 9].

Классическое определение правосознания, используемое прямо либо косвенно вплоть до настоящего времени, традиционно сводилось к его характеристике как формы отражения объективной действительности в виде совокупности идей, взглядов, оценок и чувств [6, с. 184–185].

Характерно, что ряд критических замечаний об отражательной концепции правового сознания уже были высказаны, например, В. А. Рыбаковым, утверждавшим, что правосознание – это не пассивное, зеркальное отражение правовой действительности [7, с. 23–25]. В свою очередь, авторы интегративных концепций правопонимания (А. В. Поляков, И. Л. Честнов) также рассматривают правосознание не как форму отражения, а как процесс и одновременно результат «психосоциокультурной интерпретации» сознанием индивидов, социальных групп и социума в целом всего многообразия правовых явлений. Правосознание обоснованно анализируется как правовая идентичность, соединение индивидуального начала и безличного статуса, осознание сопричастности к правовой системе и уже сложившемуся в обществе правовому порядку [8, с. 29–30].

Классический подход к определению правосознания нуждается в пересмотре и совершенствовании. Во-первых, спорной представляется гипотеза об отражении правовым сознанием объективной действительности, или «объективной реальности» [9, с. 323]. Определение правового сознания через признак отражения всей объективной действительности без конкретизации времени и пространства локализации фокуса внимания субъекта представляется недостаточно обоснованным из-за отсутствия дополнительных указаний на реальные границы проявления, содержания и форм данной действительности.

В результате абстрактная категория объекта сознательного отражения, искусственно перенесенная в юридическую сферу, не наполняется юридическим содержанием и становится еще более аморфной и оторванной от прикладных проблем правотворчества и реализации права. Например, без четкого уяснения, какие конкретно явления объективной действительности восприняты и осмыслены субъектом – носителем правового сознания, сложно вообще утверждать, идет ли речь об осмыслении сущности права (правопонимание), правильном (чувство справедливости), правдивом (объективная и адекватная оценка происходящего) сознании или о знании собственных прав.

Во-вторых, применительно к восприятию правовых явлений сложно точно определить, где заканчивается субъективная и начинается объективная действительность, а следовательно, когда начинается и заканчивается проявление отражательного свойства правового сознания. Например, достаточно проблематично однозначно ответить на вопрос о том, в какой именно момент в процессе выяснения и оценки обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, субъективное восприятие судьи (его перцептивная деятельность) должно приобретать признак объективной реальности. А ведь данное требование имеет формальное закрепление, например, в ст. 20 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь в качестве объективного выяснения всех обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Применяя на практике теорию правосознания как форму отражения объективной действительности, невозможно однозначно выявить границы субъективного восприятия и объективного отражения правоприменителем обстоятельств дела (они определяются либо моментом принятия искового заявления к производству, либо процессом заслушивания сторон на предварительном заседании или на иных стадиях). В то же время ч. 2 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2016 г. № 9 «Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности» гласит, что в судебном заседании судьям необходимо не только проявлять такт, сдержанность и эмоциональную уравновешенность, но и быть объективными.

В-третьих, в классическом определении правосознания представляется спорным вывод о том, что ему в целом присуще лишь отражение. Даже если полностью согласиться с идеей наличия отражательного признака правового сознания, то все равно закономерен вопрос о том, что подвергается отражению: сама действительность либо информация о ней, первоначально «считываемая» органами чувств человека как активного, деятельностного индивида – субъекта.

Логическим продолжением возникающей в данном случае дискуссии являются трудности в определении того, кому на самом деле принадлежит активная роль в отражении: явлениям объективной действительности, влияющим на осознающего субъекта, либо воспринимающему субъекту, направляющему свое внимание на определенный объект окружающего мира и считывающему информацию о нем при помощи органов чувств. Однако решение указанной проблемы в юридической доктрине отсутствует.

Результаты и их обсуждение

В результате переосмысления умозрительно определяемых категориальных характеристик или фрагментарно выявленных признаков правосознания как формы отражения объективной действительности в виде совокупности идей, взглядов, оценок и чувств предлагаем следующие характеристики понятия правового сознания в качестве юридического феномена.

Правовое сознание представляет собой сложный многоуровневый процесс, направленный на последовательное восприятие, отражение, осмысление и дальнейшую интерпретацию информации, протекающие при адаптации субъекта к изменениям окружающей среды. Оно нацелено на аккомодацию и деятельность, его задача – «структурирование отношений между средой и организмом» [10, с. 204].

Большое количество информации, поступающей из внешней среды, воспринимается человеком поверхностно, получает простую репрезентацию в нейронных сетях головного мозга [11, с. 268–269]. В контексте поведенческой экономики такая репрезентация рассматривается как мыслительная работа *Системы 1*, функционирующей «в комфортном режиме минимальных усилий» и генерирующей впечатление, предчувствия, намерения и чувства человека [12, с. 36]. В связи с этим примечательно, что Р. С. Байниязов, изучая проблемы психологии правового сознания, рассмотрел феномен так называемого правового инсайта. Под этим термином он подразумевает внезапное «схватывание» субъектом сущности вопроса в сфере юридического бытия, частично не осознаваемый субъектом права психологический механизм, который действует на несколько иных установках по сравнению с рациональным осмыслением правовой действительности [13, с. 19].

Кроме этого, в процессе правового сознания мозг человека «отсекает» определенную информацию и в результате допускает в сознание единственный объект, который выделяется на фоне остальных или связан с текущими целями субъекта. Отобранная информация подвергается последующей переработке и глубоко затрагивает личностные качества человека, который осваивает ее не репрезентативно, а глубоко, осмысленно и интерпретативно. Соответствующая мыслительная деятельность характеризуется контролем со стороны сознания (самоконтролем), генерируемым в терминологии сторонников поведенческой экономики мыслительной *Системой 2* [12, с. 37]. В таком случае вопросы права субъект правового сознания может рассматривать не фрагментарно, а как целостный процесс [14, с. 196]. Интерпретация направлена на придание смысла, отражающего внешнюю правовую действительность и сложившегося ранее, в предыдущей познавательной деятельности [15, с. 172].

Вышесказанное хорошо иллюстрирует сравнение быстрого и автоматического восприятия информации со сложным рефлексивным процессом ее интерпретации и выражения. Так, обывательское, типично проявляемое отношение к смыслу и предназначению уголовной ответственности автоматически ассоциируется у большинства людей с наказанием преступника, а особенно с лишением его свободы. Так, в процессе правового сознания генерируется первое, поверхностное, впечатление об уголовной ответственности.

Однако когда уголовно-правовая доктрина в целях осмысления иной, гуманистической (социально ориентированной), уголовной ответственности осуществляет рефлексию ее сущности и предназначения, то процесс правового сознания существенно усложняется. Он сопровождается глубоким анализом, переработкой и интерпретацией связанной с данной проблемой социально-правовой и юридической информации. В частности, субъекты профессионального правового сознания интерпретируют уголовную ответственность более широко, не сводя ее лишь к назначению и применению наказания, а, например, связывая с признанием необходимости порицания (осуждения) виновного в преступлении лица как преступника и с обоснованием идеи концепции об ответственности и осуждении [16, с. 45]. Дальнейшее развитие указанной концепции и ее практическая реализация в значительной степени будут зависеть от «схватывания» населением идеи уголовной ответственности как одного из видов социальной ответственности, когда ответственным должен признаваться не только сам виновный, но и общество, в котором сформировался преступный тип его поведения.

В свою очередь, принятие судьей решения в правоприменительном процессе, связанном с уголовной ответственностью, осуждением и наказанием, включает в себя сложноуровневые процессы полного цикла профессионального правового сознания по восприятию, отражению, осмыслению и интерпретации юридической и социально-правовой информации применительно к определенному казусу с учетом всех обстоятельств конкретного уголовного дела.

Существенным признаком правового сознания необходимо считать его интенциональность [15, с. 172], причем если сознание интенционально может быть направлено на любой предмет, то правовое сознание (прямо или косвенно) имманентно нацелено еще и на опосредующую его норму права. Иными словами, достаточно часто правовое сознание фиксируется на предмете социально-правового действия или правового взаимодействия, и тогда его субъекты фактически приписывают себе или другим разные права и обязанности правового типа

не потому, что так написано в законе, а потому, что так «подсказывает им их интуитивно-правовая совесть» [17, с. 87]. Они могут даже не знать о существовании соответствующего закона. Субъекты права, фактически находясь в гражданско-правовых, брачно-семейных, конституционно-правовых, административно-правовых отношениях, могут не преследовать собственно юридические цели, стремясь лишь к взаимодействию по поводу имущественных благ, семейному благополучию, совместно-му принятию политического решения и др.

Однако в случаях, когда баланс интересов нарушается, интенция правового сознания смещается на догматические юридические источники как конечную инстанцию при разрешении возникающего или возникшего юридического конфликта. В случае разногласий и споров, притом особенно серьезных и не поддающихся разрешению без обращения к законам и в суды, субъекты «переходят с почвы интуитивного на почву позитивного права» [17, с. 87].

Важным признаком правового сознания является наличие у его носителя собственной субъектности, что дает ему возможность адаптации к условиям правовой реальности и взаимодействия с другими субъектами права, включения каждого в социальное целое [18, с. 243].

Отличительным признаком правового сознания необходимо признать то, что реализация субъектности (самости) в правовой реальности возможна только посредством *Другого*, также являющегося субъектом правового сознания. По мнению Ю. Е. Пермякова, метафизически носитель правосубъектности подчинен своей свободе и смыслу собственного существования. Но юридически, как субъект права, он имеет официальный статус, подчиняется внешней инстанции и формальным правилам [19, с. 109, 110, 113]. Субъектность в праве дает основания приписать деяния конкретному лицу посредством определенной юридической конструкции.

Способность субъекта направлять интенциональность своего правового сознания как на внешний объект окружающей правовой реальности, так и на самого себя предопределяет необходимость отграничения субъекта в праве от правовой субъектности. В связи с этим отмечается, что понятие правового *Я* состоит из активного, действующего *Я* (субъекта), т. е. регулятивного правового начала психики, а также из правового *Я* (объекта), т. е. правового самосознания и стоящих за ним психических процессов – содержания правового сознания [14, с. 198].

Субъектность в праве определена формально-юридически, ее реальность полностью зависит от наличия *Другого* – инстанции (участника правотворчества и правоприменения, юридически включающего субъекта в матрицу юридической действительности) и (или) контрагента (участника правоотношения).

В свою очередь, правовая субъектность существенно зависит и от иных (когнитивных, социо-

психологических и др.) параметров самого субъекта права, обладающего возможностями, желанием и способностями направлять интенциональность правового сознания на объект правовой реальности, а также на самого себя. Например, субъектность в цифровой сфере правовой реальности зависит не только от условий правоспособности и дееспособности, но также от технической оснащенности пользователя, наличия у него возможностей коммуникации с использованием технических средств, желания регистрироваться на определенной интернет-платформе с предоставлением персональных данных и др.

Важным признаком правового сознания, тесно связанным со свойством субъектности его носителя, следует считать его напряженность. Свойство напряженности в отношении правового сознания опосредованно констатировал еще Л. И. Петражицкий, признавая, что всем эмоциям свойственна чувствительность, или эластичность, способность в зависимости от обстоятельств подвергаться колебаниям силы, интенсивности. В отношении напряженности правовых эмоций в его теории прослеживается разделение правосознания на активное и пассивное [17, с. 23, 130–131].

Напряженность правового сознания – это состояние объективной нуждаемости его носителя в чем-то, находящемся вне его. Констатируемую И. А. Ильиным «смутность, сбивчивость, непредметность и слабость» правосознания, создающего «непредметное», т. е. неверное, несправедливое, не соответствующее своему прообразу, «положительное право» [20, с. 21], можно отнести именно к феномену слабой напряженности или пассивности правового сознания в какой-либо сфере.

Напряженность правового сознания обеспечивает его динамику: «...напряжение обеспечивает движение» [21, с. 107]. Характерно, что проявление напряженности правового сознания можно идентифицировать через различные внешние его проявления («скорость развития тех или иных теорий, настроений, чувств, правовых установок за единицу времени» [22, с. 15]): чем выше темп, тем сильнее напряженность правового сознания. Смещение напряженности правового сознания в определенную сферу правового регулирования может происходить в результате правового воздействия и (или) различных форм легитимации права. Например, различные мероприятия правовой информатизации или процесс юридического образования в существенной мере связаны не с так называемым формированием правосознания, а с увеличением напряженности сознания, интенционально направленного на восприятие, отражение, осмысление и интерпретацию определенных правовых норм.

Динамическая характеристика правового сознания влечет необходимость дальнейшего анализа его протекания применительно к параметрам прошлого,

настоящего и будущего. Правовое сознание, как и другие юридические феномены, обладает протяженностью, «располагается во времени» [23, с. 195]. Темпоральность понимается как свойство, присущее потоку правового сознания.

Когда правовое сознание традиционно определялось через характеристику его проявлений (экстериоризация) и состояния чувств, мыслей, идей, оценок, сам термин «состояние» предполагал описание признаков объекта в конкретный момент времени, в статике. В результате правовому сознанию фактически приписывалось свойство дискретности, например, когда в его дефиниции указывалось, что правосознание – это отношение не только к действующему, но также к желаемому праву [24, с. 50], что на практике достаточно сложно дифференцировать.

Указанная формулировка все же требует уточнения, какой предмет интенциональности правового сознания обозначается названием «желаемое право» и какова его временная дислокация: относится ли оно к акту законотворчества, решению правоприменителя, акту реализации субъективного права в правоотношении либо к правовому обычаю, вырабатываемому в практике социального общения, или это вообще мечты философа об идеальном праве. В зависимости от ответа на поставленные вопросы можно объективно определять не только напряженность и интенциональность правового сознания, нацеленного на образование или воспроизводство правовой нормы, но и вообще отделять правовое сознание от философского мировосприятия, морально-деловых качеств человека либо его политического или государственного сознания.

Аналогичным образом возможно пересмотреть проблемы определения правосознания в качестве мыслей о праве прошлого, обязательно уточняя, идет ли в нем речь о восприятии недействующего конкретного нормативного правового акта или уже вынесенного и исполненного правоприменительного акта, исторически сложившейся юридической практики либо вообще о ностальгии по прошлому правопорядку.

Необходимо отметить, что определение правового сознания в динамике, с учетом его темпоральности нивелирует детерминистические представления о перспективах и эффективности мероприятий по так называемому формированию правового сознания [25, с. 9] либо повышению уровня правового сознания, когда каждое последующее состояние его носителя рассматривается как строгое следствие воздействия на него предыдущих факторов. Указанный детерминизм проявлялся в традиционно выявляемых многими авторами причинно-следственных связях между мерами правовой информатизации, правового просвещения и воспитания с повышением уровня правового сознания населения [26, с. 47]. Формально это значило, что набор параметров (ка-

честв) системы в один момент времени даст возможность рассчитать таковые и для всех последующих ее параметров. Например, повышение интенсивности распространения юридической информации или увеличение количества источников ее трансляции имманентно привязывались к росту правового сознания у ее получателей.

Указанный методологический подход основывался на идеях философского позитивизма, заменившего понятие казуальности категорией «функциональная зависимость», а понятие причины – термином «совокупность условий» [27, с. 12]. Однако существенным недостатком данного метода является то, что полученные при его использовании выводы о причинно-следственной связи трансформации компонентов правовой реальности невозможно подвергнуть повторной верификации в условиях, абсолютно идентичных первоначальному. Фактор, выявленный ранее в качестве причины, при повторном воспроизводстве может стать условием, воздействующим на изучаемый предмет при многих иных параметрах окружающей среды, но он не обязательно снова станет причиной. Таким образом, трансформация правового сознания в силу его специфической социальной, психологической и физиологической природы не подчиняется закону прямой причинно-следственной связи. Этот факт методологически важен для доктринального изучения правового сознания как юридического феномена.

Темпоральная характеристика правового сознания проявляется на разных уровнях неодинаково. Во-первых, темпоральность имеет индивидуальные характеристики, обусловленные особенностями организма каждого человека и его специфическими социальными и психическими параметрами. Каждый индивид по-своему ощущает внутреннее течение времени, которое основано на психологических ритмах его организма.

Во-вторых, темпоральность может быть специфической для определенного коллектива и обуславливаться различными нормативными институтами. У П. Бергера и Т. Лукмана она называется интерсубъективной темпоральностью [28, с. 49]. Коллектив дает усредненное в данный исторический момент значение темпоральности, которое существенно предопределяет трансформацию правовой реальности и может подвергаться доктринальному осмыслению.

Правовое сознание необходимо рассматривать как сложный коммуникативный процесс получения и передачи информации, происходящий как внутри, так и вне организма человека. Уникальность процесса правового сознания проявляется при интериоризации им правовой информации. Но типичность правового сознания свойственна экстериоризации правовой информации в социальном взаимодействии.

Применительно к правовому сознанию математическое определение информации как идеального сообщения, уменьшающего или полностью исключающего неопределенность, допустимо, но предполагает учет ряда особенностей. Во-первых, в некоторых случаях большое количество информации токсично [29, с. 200], например, когда значительное количество правовых норм, регулирующих одно и то же общественное отношение, затрудняет процессы восприятия, отражения, осмысления и интерпретации находящейся в них информации. Данный факт в дальнейшем существенно ограничивает единообразие правового регулирования, нарушает общеобязательность правовых норм, создает юридические коллизии.

Во-вторых, количественные параметры информации в правовом сознании предполагают обязательность учета иных, качественных (содержательных), ее свойств и источников трансляции. В связи с этим необходимо осуществлять содержательное разделение транслируемой в процессе правового сознания информации на два вида: юридически формализованную (создаваемую в правотворчестве и правоприменении) и юридически неформализованную (условно назовем ее социально-правовой).

Социально-правовая информация в правовом сознании представлена не только сведениями юридической направленности, сводящимися к содержанию нормативных правовых и индивидуальных правовых актов, она в значительной степени относится и к иным неюридическим, но прямо или опосредованно связанным с правом сферам.

Юридическая информация предполагает строгую формализацию правил поведения и стремление к полному снятию неопределенности. Недостаточность или отсутствие полной и актуальной информации узкого юридического содержания негативно воздействует на динамику процесса правового сознания. Такие случаи квалифицируются в соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» как правовая неопределенность. Случаи правовой неопределенности, вызванные пробелами в законодательстве, устраняются либо преодолеваются путем применения аналогии закона или аналогии права на основании формально закрепленных юридических механизмов. Однако в то время как математическая формулировка неопределенности опирается лишь

на количественные параметры достаточности или недостаточности информации, формально-юридическое ее определение связывается еще и с ее содержательными критериями, например отсутствием точности, логической согласованности норм права.

Субъект права, воспринимающий, отражающий, осмысливающий и интерпретирующий информацию в формально закреплённой норме, освобождается от сложных процессов восприятия и обдумывания массива иной нормативной информации, относящейся к предмету интенциональности его правового сознания. Таким образом, субъект свободен от размышлений о своем долге, социальной ответственности, от духовных переживаний. В обыденной жизни это звучит так: «Человек действует строго по закону, снимая с себя ответственность».

В отношении информации социально-правового характера необходимо признать, что она априори имеет существенную неопределенность, особенно в современных условиях значительного количества стохастических изменений окружающей природной и антропогенной среды. Феномен правовой неопределенности в виде количественной неполноты информации, не юридизированной, но относящейся к сфере социально-правового воздействия, может оказывать положительное влияние на правовое сознание. Понимание и интерпретация социально-правовой информации предполагают постоянную активность человека как специфической информационной системы, которая управляется встроенными программами (генетическими, когнитивными, в том числе приобретенными в результате обучения, или искусственными интеллектуальными устройствами, созданными человеком) и обладает внутренней интенциональностью [11, с. 47–48]. Его правовое сознание будет состоять не только в восприятии и интерпретации значительного массива нормативных требований к его поведению, но и представлять собой собственный ответственный выбор наиболее справедливой, правильной или выгодной нормы.

Если для юридической информации достаточно лишь усеченного, быстрого правового сознания, связанного с восприятием и интерпретацией правовых норм, то для социально-правовой информации должно задействоваться правовое сознание, связанное с обдумыванием проблемы, рефлексией и самоконтролем.

Заключение

На основании пересмотра традиционно сложившейся философской концепции правосознания как формы идеального отражения объективной действительности, выражающейся в совокупности взглядов, эмоций и чувств о праве, предложен междисциплинарный научный подход к изучению пра-

вового сознания. Осуществлен предметно-научный анализ феномена правового сознания на уровне формирования его понятия с соответствующим выявлением важнейших отличительных признаков.

Правовое сознание представляет собой сложный многоуровневый интенционально направленный

процесс восприятия, отражения, осмысления и дальнейшей интерпретации информации юридической формы и (или) социально-правового содержания, протекающий при адаптации субъекта к изменениям окружающей среды.

Правовое сознание обнаруживает признак интенциональности, то есть направленности на объекты окружающей среды, привлекающие внимание человека здесь и сейчас, причем если сознание интенционально направлено на любой предмет, то правовое сознание (прямо или косвенно) – еще и на опосредующую его норму права.

Интенциональность правового сознания предполагает его тесную связь с субъектностью носителя. Важным признаком правового сознания, тесно связанным со свойством субъектности его носителя, следует признать напряженность правового сознания.

Динамика правового сознания проявляется в его темпоральности, имеющей специфические черты как для отдельного субъекта, так и для некоторых коллективов. Признак темпоральности правового сознания предполагает, что при нарушении одно-

го из элементов процесса его протекания правовое сознание прервется полностью.

Трансформация правового сознания в силу его специфической социальной, психологической и физиологической природы не подчиняется закону прямой причинно-следственной связи, что является методологически важным для доктринального изучения правового сознания как юридического феномена. Его темпоральная характеристика проявляется на разных уровнях неодинаково. Во-первых, темпоральность имеет индивидуальные характеристики, обусловленные особенностями организма каждого человека и его специфическими социальными и психическими параметрами. Во-вторых, темпоральность может быть специфической для конкретного коллектива и обусловленной различными нормативными институтами. В коллективе фиксируется усредненное в данный исторический момент значение темпоральности, которое существенно предопределяет трансформацию правовой реальности и может подвергаться дальнейшему доктринальному осмыслению.

Библиографические ссылки

1. Шинкевич ВЕ. Правосознание как отражение социального здоровья общества. В: Демидова ИА, редактор. *Правовая культура в современном обществе*. Могилёв: Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2020. с. 660–665.
2. Баранов ПП, Овчинников АИ. Концептуальные приоритеты теории правосознания. *Юрист-правовед*. 2007; 5:5–11.
3. Юрашевич НМ. Эволюция понятия правового сознания. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2004;2:165–181.
4. Гаген СЯ. *Византийское правосознание IV–XV вв.* Москва: Юрлитинформ; 2012. 304 с.
5. Гребеньков ГВ, Попов АА. Правовое сознание: понятие, структура, феноменология. *Вопросы российского и международного права*. 2017;7(3А):7–32.
6. Орлова АА, Бутенко ТП. К вопросу о понятии и функциях правосознания. *Теория государства и права*. 2020; 4:183–190. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.010.
7. Рыбаков ВА. Правосознание: к вопросу о понятии. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2015;3:23–28.
8. Гусарова МА. Понятие правосознания в современных интегративных теориях (на примере концепций А. В. Полякова и И. Л. Честнова). *Общество: философия, история, культура*. 2017;1:28–31.
9. Корельский ВМ, Перевалов ВД, редакторы. *Теория государства и права*. Москва: Норма; 1997. 570 с.
10. Боруленков ЮП. Методология юридического познания: психологический подход. *Мир политики и социологии*. 2013;9:201–210.
11. Бескова ИА, Герасимова ИА, Меркулов ИП. *Феномен сознания*. Москва: Прогресс-Традиция, 2010. 367 с.
12. Канеман Д. *Думай медленно... Решай быстро*. Андреев А, Делигина Ю, Парфенова Н, переводчики. Москва: АСТ; 2019. 653 с.
13. Байниязов РС. Правосознание: психологические аспекты. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1998;3:16–21.
14. Иванский ВП. К вопросу о правовой природе «я» (часть I). *Вестник Московского университета МВД России*. 2013;7:193–198.
15. Иванский ВП. К вопросу о правовой природе «я» (часть II). *Вестник Московского университета МВД России*. 2013;8:169–173.
16. Хомич ВМ, Синица ИМ. Дифференциация мер уголовно-правового воздействия как социально-правовая основа построения социально ориентированной системы уголовной ответственности. *Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 2008;4:44–54.
17. Петражицкий ЛИ. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. Санкт-Петербург: Лань; 2000. 608 с.
18. Честнов ИЛ. *Постклассическая теория права*. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс; 2012. 650 с.
19. Пермяков ЮЕ. *Юридические доктрины естественного права*. Москва: Юрлитинформ; 2022. 256 с.
20. Ильин ИА. *О сущности правосознания*. Москва: Рарог; 1993. 235 с.

21. Матарас ВН. Методы исследования форм государства в историческом времени и пространстве. *Вестник БДУ. Серия 3: История, Философия, Экономика, Права*. 2016;1:104–113.
22. Тенилова ТЛ. *Время и правосознание*. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия; 2003. 40 с.
23. Бергель Ж-Л. *Общая теория права*. Даниленко ВН, редактор; Чуршук ГВ, переводчик. Москва: Nota bene; 2000. 576 с.
24. Захарцев СИ. Правосознание: понятие и уровни. *Правовое поле современной экономики*. 2012;2:48–53.
25. Осипов МЮ. Понятие и особенности формирования правосознания. *Современное право*. 2013;6:7–11.
26. Гаджиева ПД. Возможности правовой информации в формировании правосознания студентов. *Символ науки: международный научный журнал*. 2016;3-2:46–48.
27. Калужский МЛ. *Общая теория систем*. Москва: Директ-Медиа; 2013. 177 с.
28. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
29. Талеб НН. *Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса*. Караев Н, переводчик. Москва: Колибри; 2018. 768 с. Совместно с издательством «Азбука-Аттикус».

References

1. Shinkevich VE. [Legal consciousness as a reflection of the social health of society]. In: Demidova IA, editor. *Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve* [Legal culture in modern society]. Mahilioŭ: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2020. p. 660–665. Russian.
2. Baranov PP, Ovchinnikov AI. [Conceptual priorities of the theory of legal consciousness]. *Yurist-pravoved*. 2007;5:5–11. Russian.
3. Yurashevich NM. [Evolution of the concept of legal consciousness]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2004;2:165–181. Russian.
4. Gagen SYa. *Vizantiiskoe pravosoznanie IV–XV vv.* [Byzantine legal consciousness 4th–15th centuries]. Moscow: Yurlitinform; 2012. 304 p. Russian.
5. Greben'kov GV, Popov AA. [Legal consciousness: concept, structure, phenomenology]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2017;7(3A):7–32. Russian.
6. Orlova AA, Butenko TP. On the question of the concept and functions of legal consciousness. *Teoriya gosudarstva i prava*. 2020;4:183–190. Russian. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.010.
7. Rybakov VA. Sense of justice: question of concepts. *Herald of Omsk University. Series: Law*. 2015;3:23–28. Russian.
8. Gusarova MA. The concept of legal awareness in modern integrative theories (case study of A. V. Polyakov's and I. L. Chestnov's conceptions). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2017;1:28–31. Russian.
9. Korel'skii VM, Perevalov VD, editors. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Norma; 1997. 570 p. Russian.
10. Borulenkova YuP. [Methodology of legal knowledge: psychological approach]. *Mir politiki i sotsiologii*. 2013;9:201–210. Russian.
11. Beskova IA, Gerasimova IA, Merkulov IP. *Fenomen soznaniya* [The phenomenon of consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2010. 367 p. Russian.
12. Kahneman D. *Dumai medlenno... Reshai bystro* [Think slowly... Decide quickly]. Andreev A, Deligina Yu, Parfenova N, translators. Moscow: AST; 2019. 653 p. Russian.
13. Bainiyazov RS. [Legal consciousness: psychological aspects]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 1998;3:16–21. Russian.
14. Ivansky VP. On the issue of the legal nature of «inner man» (part I). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2013;7:193–198. Russian.
15. Ivansky VP. On the issue of the legal nature of «inner man» (part II). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2013;8:169–173. Russian.
16. Khomich VM, Sinitsa IM. [Differentiation of measures of criminal law impact as a social and legal basis for building a socially oriented system of criminal responsibility]. *Vestnik Viceskago dzharzhavnaga wuniversitjeta*. 2008;4:44–54. Russian.
17. Petrazhitskii LI. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan'; 2000. 608 p. Russian.
18. Chestnov IL. *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law]. Saint Petersburg: Alef-Press; 2012. 650 p. Russian.
19. Permyakov YuE. *Yuridicheskie doktriny estestvennogo prava* [Legal doctrines of natural law]. Moscow: Yurlitinform; 2022. 256 p. Russian.
20. Il'in IA. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of legal consciousness]. Moscow: Rarog; 1993. 235 p. Russian.
21. Mataras VN. [Methods for studying the form of the state in historical time and space]. *Vestnik BDU. Seryja 3: Gistoryja, Filasofija, Jekonomika, Prava*. 2016;1:104–113. Russian.
22. Tenilova TL. *Vremya i pravosoznanie* [Time and legal consciousness]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya; 2003. 40 p. Russian.
23. Bergel J-L. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Danilenko VN, editor; Churshukov GV, translator. Moscow: Nota bene; 2000. 576 p. Russian.
24. Zakhartsev SI. [Legal consciousness: concept and levels]. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*. 2012;2:48–53. Russian.
25. Osipov MYu. The notion and characteristics of legal consciousness formation. *Sovremennoe pravo*. 2013;6:7–11. Russian.

26. Gadzhieva PD. [Possibilities of legal information in the formation of students' legal consciousness]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*. 2016;3-2:46–48. Russian.
27. Kaluzhskii ML. *Obshchaya teoriya sistem* [General theory of systems]. Moscow: Direct-Media; 2013. 177 p. Russian.
28. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
29. Taleb NN. *Antikhrupkost': kak izvlech' vygodu iz khaosa* [Antifragility: how to benefit from chaos]. Karaev N, translator. Moscow: Kolibri; 2018. 768 p. Co-published by the «Azbuka-Atticus». Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2022.
Received by editorial board 27.10.2022.